Почему ты здесь, малыш?

Наруто вздрогнул. Его глаза открылись в дымке тумана и тусклом желтом свете, отражающемся от стен маленькими клочками. Его окружали серые стены, а в нос ударил затхлый запах застоявшейся воды и спертого воздуха. Пошевелившись и услышав какой-то звук, он посмотрел вниз и увидел, что стоит по щиколотку в воде.

Пришел посмеяться надо мной? Пришли поиздеваться над животным за решеткой?

Большие желтые глаза смотрели на него сквозь темноту. Наруто почувствовал, как его охватывает страх. Где он был? Кто с ним разговаривает? Перед ним были стальные прутья, уходящие в потолок. Толщина петель не уступала росту Наруто, и прутья легко выдерживали четверых. В центре лежал большой кусок пергамента с печатью, написанной на нем аккуратными красными мазками. По ту сторону решетки было темно. Все, что можно было разглядеть, - это большие желтые глаза.

Поговори со мной, мальчик.

Черный нос уперся в решетку, выдохнув воздух, от которого волосы отлетели назад и заслезились глаза. Один большой коготь медленно просунулся сквозь прутья, острый край сверкнул в слабом свете. Он не останавливался, пока Наруто не почувствовал, как он упирается ему в живот. Наруто выскочил из ступора: от прикосновения когтя по позвоночнику пробежала холодная дрожь, которая контрастировала с ожогом от чего-то на коже. Голубые глаза расширились, и он посмотрел вниз на коготь.

Почему ты смотришь на меня так, словно боишься? Я застрял здесь. Застрял внутри тебя. Разве тебе никто не сказал?

Глаза Наруто метнулись к нему. Его обдало холодом. «Ты - Кьюби. Из-за тебя все меня боятся и так плохо ко мне относятся».

По подземелью прокатился гул, от которого по воде пошла рябь. Это был смех. Да. Я - зло в твоем сердце. Эти люди должны быть наказаны, ты согласен? Выпусти меня, малыш. Вместе мы покажем им, что такое настоящая сила.

Наруто задрожал. По рукам и ногам побежали мурашки. Ничто не имело смысла. Может, это сон? Слишком реальное ощущение, чтобы быть сном. Коготь снова ткнул его в живот и скрылся во тьме. Конечно, он был зол на деревню. Никто не любил его, не заботился о нем, и он понятия не имел почему. Пока Мизуки не рассказала ему. Тогда все стало понятно. Они ненавидели его за то, что было внутри него. «Как ты попал в меня?» Этот вопрос не давал ему покоя с той ночи в лесу с Мизуки и Ирукой-сенсеем.

Из темноты снова донесся раскатистый смех. Твои родители поместили меня сюда.

Это знание обрушилось на него, как грузовой поезд. Да так сильно, что он сел прямо в кровати, положив руку на сердце и тяжело дыша. Его собственные родители сделали его изгоем? Почему они сделали это, а потом просто бросили его? Если Ирука-сенсей знал о Кьюби, то знает ли он и о родителях Наруто? Будильник зазвенел, оповещая о том, что уже четыре утра.

Встав с кровати, он поплелся в ванную и включил горячую воду, чтобы душ успел нагреться. Наруто никак не мог пойти к Ируке-сенсею до тренировки с Какаши-сенсеем. Было слишком раннее утро, и будить его было бы невежливо. Наруто прошел на кухню и насыпал в миску хлопьев. У него было время подождать, пока горячая вода дойдет до квартиры, поэтому он сначала приготовил себе завтрак. У него было время решить, что делать и как воспринимать новую информацию.

Пока он размышлял, горячая вода наконец начала литься под небольшим напором, и его каша превратилась в кашу. Забыв поесть и принять душ, он все еще не знал, что делать, когда придет время покидать квартиру. По крайней мере, он не забыл выключить воду перед уходом.

-

На подоконнике в спальне Сакуры сидела желтая птица. Пение птиц разбудило ее, и мелодия засела в мозгу. Она напевала ее, собираясь на тренировку и завязывая повязку. Сегодня был важный день. Сегодня она проходила официальное испытание на звание генина. Если она пройдет его, ее возьмут в команду вместе с Учихой Саске. От осознания этого факта, от того, что она сможет одержать верх над Ино, по спине пробежала дрожь.

Еще одним плюсом был ее джонин-сенсей. Сакура была умна, она проводила исследования. Она знала, что Хатаке Какаши был одним из лучших ниндзя, когда-либо созданных Конохой. Он был одним из самых молодых, кто когда-либо становился джоунином, а затем стал командиром Анбу. Им повезло, что он стал их сенсеем, что он согласился учить троих детей, которые никогда раньше не участвовали в настоящих боях.

Она спрыгнула с лестницы, почувствовав на кухне чудесный запах. Жаль, что сегодня она не сможет поесть. Отец окликнул ее прежде, чем она успела пробежать мимо гостиной.

«Сакура, милая, иди сюда».

Тяжело вздохнув, Сакура заглянула в комнату. «Да, папа?»

Он читал газету, скрестив ноги, сидя на диване. На тумбочке рядом с ним стояла чашка свежего кофе, над которой все еще вился пар. «Я знаю, что ты уже слышал это, но еще не поздно отказаться. То, что ты можешь формировать чакру, не означает, что ты должен стать ниндзя, дорогой».

«Папа, мы уже говорили об этом». Они говорили об этом. Долго. Много раз. Она прекрасно

понимала, что родители только поддерживают ее идею стать ниндзя. Они позволили ей поступить в академию, тренироваться, надеясь, что она поймет, что это не то, чем она хочет заниматься. Они не слишком обрадовались, когда она доучилась до окончания академии или прошла ее. Разговоры об этом велись почти ежедневно в надежде убедить их строптивую дочь бросить учебу. Но ничего не вышло. Сакура только глубже вгрызалась в землю и делала это из вредности.

Он отпил глоток кофе и отложил газету, аккуратно сложив ее обратно. «Да, это так. Но я не думаю, что вы действительно слушаете нас. Мы просто хотим, чтобы вы остановились и подумали. Теперь это будет твоя жизнь. Как ты сможешь встретить кого-то, остепениться, подарить нам внуков? Мы просто хотим, чтобы ты была счастлива».

Каждый раз это был один и тот же аргумент. Как будто все, на что способны женщины, - это сидеть на кухне и рожать детей. Женщины могут быть ниндзя. Могущественными ниндзя. Какаши сам это говорил. У нее был невероятный контроль чакры. Она могла делать что-то удивительное. Она могла бы стать медиком. «Я счастлива. Я стану сильным ниндзя, который сможет защищать людей. Это то, что я хочу делать. Просто... просто, пожалуйста, порадуйся за меня, папочка».

Ей пора было уходить. Она сделала шаг к двери, и отец только вздохнул. Сакура приготовилась к тому, что он всегда будет ее упрекать. Но вместо этого ее мать просунула голову в дверной проем кухни, чтобы вмешаться в разговор.

«Мы просто не хотим планировать похороны нашей дочери».

Хватит. Сакура хлопнула дверью, собираясь уходить. Она не обратила внимания на то, что дом затрясся, когда она топала прочь.

-

http://tl.rulate.ru/book/105583/3962202